Крепость черноморцев

Юрий Федорович Стрехнин

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Есть такая военная медаль — "За оборону Севастополя". На ней рядом с солдатом изображён матрос, а возле них — якорь и две пушки. Матрос и якорь потому, что Севастополь — город флотский. Стоит он на берегу Чёрного моря. Он очень красив, наш город-герой Севастополь. Все дома. в нём построены из белого камня. Синее море, белый город, голубое небо… Когда фашисты напали на нашу Родину, очень хотелось им захватить Севастополь — самый важный военный порт на Чёрном море, главную базу Черноморского флота…

- Стрехнин Юрий Федорович. Крепость черноморцев
  -
  - Пятеро против танков
  - Один за всех
  - Одиннадцатый дзот
  - Город под бомбами
  - Курс — Севастополь
  - Не числом — уменьем
  - Тридцатая батарея
  - Константиновский равелин
  - Мыс Херсонес
  - Где были только развалины

Стрехнин Юрий Федорович. Крепость черноморцев

…Пылят по степи танки с чёрными крестами, а за ними — пехота на автомашинах. Уже и до Севастополя недалеко. Заранее радуются фашисты: "Сколько городов взяли — мы и Севастополь сейчас возьмём!"

Да не тут-то было!

Рванулся возле фашистских танков снаряд, другой, третий… Одни танки загорелись, другие на месте закрутились.

Пехотинцы фашистские с машин попрыгали. Хотели было вперёд, да по ним тоже — и пушки, и миномёты, и пулемёты стрелять начали.

Нет, оказывается, Севастополь с налёта не взять!

А не взять было потому, что Севастополь успел подготовиться ко встрече непрошеных гостей. 29 октября 1941 года город был объявлен на осадном положении. Туда, откуда шёл враг, были [6] направлены пушки с суши и с кораблей. Жители вместе с бойцами вырыли окопы, построили укрепления. На позиции встали не только красноармейцы, как тогда называли солдат. Тысячи моряков сошли с кораблей на берег, чтобы воевать на суше. Таких бойцов называли морскими пехотинцами.

Хотя и получили фашисты отпор, да уж больно хотелось им взять Севастополь. Собрали они перед ним много войск. На каждого советского бойца несколько вражеских солдат приходилось, на каждую нашу пушку — несколько немецких. Рассчитали фашистские генералы — с такой силой можно взять Севастополь за десять дней.

30 октября 1941 года начали фашисты первый штурм. Налетели на город бомбардировщики. Загремели разрывы бомб. Чёрный дым пожаров повалил к серому, осеннему небу. Тысячи орудий врага стреляли, сотни танков шли, чтобы прорвать нашу оборону. Наши артиллеристы били по танкам метко. Но слишком много их было у врага. Не везде успевали артиллеристы встретить врага огнём. Нашей пехоте приходилось своими силами останавливать бронированные чудовища.

Пятеро против танков

Одну из позиций возле дороги на Севастополь занимали пятеро морских пехотинцев: матросы Цибулько, Красносельский, Паршин, Одинцов и командир их, коммунист Фильченков. Был у них пулемёт, винтовки, гранаты да ещё бутылки с горючей смесью, чтобы танки поджигать. Внимательно следили моряки за дорогой: не покажется ли враг? Однажды утром, было это как раз 7 ноября, в Октябрьский праздник, слышат матросы — где-то впереди моторы зарычали, гусеницы залязгали.

— Танки! — сказал командир Фильченков. — Приготовиться к бою.

— Есть! — ответили матросы. Кто к пулемёту приник, кто гранаты пучком связывает — ведь одной гранатой танк подорвать трудно. А кто бутылки с горючкой под руку кладёт. Если бросить такую бутылку на броню — бутылка разобьётся, горючка вспыхнет, внутрь танка потечёт, он и загорится. [7]

Притаились пятеро моряков в окопе. А танки уже гремят… Вот передний показался на дороге. А за ним ещё. Семь танков Фильченков и его матросы насчитали. Танки идут гуськом, ещё не развернулись для боя. Вот уже и кресты на броне видны, и смотровые щели в башнях.

— По головному, по щелям, пулемётом — огонь! — скомандовал Фильченков.

Застучал пулемёт. Метко стреляет Цибулько. Бьёт по щелям, из которых танкисты смотрят. А товарищи его выбрались из окопа, кто ползком, кто перебежками, навстречу танкам спешат, чтобы повернее ударить. Страшно это, конечно, на танк идти. Да только сильнее страха ненависть к врагу-фашисту, который топчет нашу землю, хочет всех нас рабами сделать. Сильнее страха — воинский долг. Ведь каждый боец присягу давал: Родину, не жалея своей жизни, защищать.

Немцы из головного танка видят — по ним пулемёт бьёт. Поворачивают они на него, чтобы раздавить. За головным и другие танки к окопу повернули.

А матросы с гранатами и с бутылками зажигательными уже возле танков. [8]

Вскочит матрос, размахнётся — и сразу же на землю падает, чтобы под осколок своей же гранаты или под пули из танкового пулемёта не угодить. Летят в танки связки гранат, летят бутылки с горючкой.

Один танк крутнулся на месте и замер — гусеницу взрывом гранаты ему сорвало. Другой вспыхнул — бутылка с горючкой на

нём разбилась. Вот и третий танк горит…

Повернули уцелевшие танки обратно. Тихо стало.

Говорит Фильченков своим бойцам:

— Первую атаку отбили. Надо ждать второй.

Прошло немного времени. Снова танки идут. На этот раз уже не семь — пятнадцать.

Опять Цибулько из пулемёта по переднему танку ударил. Прямо в смотровую щель угодил. Остановился танк. И тут же полетели в него бутылки с горючим. Чёрный дым заклубился. Конец танку. А другие танки прямо на окоп идут…

Туго приходится морякам. Уже раненые есть. Гранаты кончаются, бутылки с горючкой на исходе, да и патронов для пулемёта осталось совсем немного.

— Будем стоять до последнего! — говорят друг другу пятеро моряков.

Вот танк прямо на пулемёт Цибулько идёт. Схватил Цибулько связку гранат и навстречу. Бросил гранаты, вздрогнул танк, запылал. А Цибулько упал. Ранило его тяжело. Перевязали его товарищи, положили. А сами опять за бутылки и за гранаты взялись.

Красносельский бутылками с горючкой один танк поджёг, второй. И упал — сразило его очередью из танкового пулемёта.

Теперь из пятерых лишь трое в строю: Паршин, Одинцов и командир Фильченков. Говорит он Паршину и Одинцову:

— Гранат у нас осталось у каждого по одной связке. Надо бить наверняка. С близкого расстояния. Я первый пойду!

— Мы за тобой! — в один голос сказали матросы.

Выскочил Фильченков из окопа, бежит прямо навстречу танку. Взрыв! Покончено с танком. Фильченков возле танка недвижим лежит… Убит командир!

Вот Паршин и Одинцов с гранатами навстречу танкам пошли. Каждый по одному танку взорвал. И пали оба.

А немецкие танки, те, что уцелели, повернули назад — не выдержали нервы у вражеских танкистов. [10]

Тем временем другие бойцы к окопу подошли. Живым одного Цибулько нашли, да и тот уже умирал. Но успел рассказать он, как с товарищами свою позицию держал.

* * *

С такой же отвагой сражались все защитники города. Десять дней, в течение которых фашисты рассчитывали взять Севастополь, прошли, но город так и остался нашим.

Не удалось фашистам с первого раза Севастополь взять штурмом. Со злости стали они ещё сильнее бомбить. А потом, 17 декабря 1941 года, начали второй штурм. Незадолго до этого

фашистов под Москвой разбили.

Вот они и захотели под Севастополем своё взять.

Один за всех

…Стояла на передовых позициях наша зенитная батарея — чтоб и по фашистским самолётам стрелять, и по врагу на земле. Пушки сухопутные, а около них матросы, артиллеристы с кораблей. Очень досаждала врагам эта батарея. Они в атаку идут, а она по ним бьёт, много фашистов своими снарядами положила. Решили враги уничтожить батарею. Стали по ней из больших пушек стрелять, из миномётов, самолёты послали — разбомбить.

Падают артиллеристы сражённые. Одно, другое орудия разбиты. Из всех батарейцев в живых лишь один остался — матрос Липовенко. Взрывом оглушило его, лежит — в себя прийти не может.

А фашисты обрадовались, что батарея замолчала, снова в атаку поднялись.

Но в этот момент Липовенко пришёл в чувство. Приподнялся, глянул совсем близко впереди гитлеровские мундиры серо-зелёные, каски…

"Картечью бы по ним!" — поднялся, шатаясь, Липовенко к орудию, последнему уцелевшему в батарее. Годится ли оно для стрельбы?

Осмотрел быстро — годится!

Но как одному управиться? Из пушки — не из винтовки: приложился и пальнул. Снаряды подавать, заряжать, наводить — тут одного человека мало. Пушку несколько бойцов обслуживают, называется — расчёт. [11]

Но Липовенко — один. Убиты и командир орудия, и наводчик, и все остальные.

А вражеские автоматчики уже прямо на орудие бегут, строчат на ходу. Пули возле Липовенко свистят.

"Справлюсь один за всех! Только бы успеть".

Умелым артиллеристом был Липовенко. Схватил снаряд картечный. После выстрела таким снарядом — из пушки сразу много пуль-шариков вылетает.

Быстро зарядил, выстрелил. [12]

Как хлестнёт картечью по фашистам — повалились они. Да новые набегают. Вот-вот на позицию батареи ворвутся.

Но Липовенко уже следующий картечный снаряд в пушку вложил. Быстро стреляет — снаряд за снарядом, снаряд за снарядом! Один успевает за пятерых.

Бегут фашисты от картечи. А Липовенко всё новые снаряды им вдогонку шлёт.

— Ура-а! — вдруг слышит он позади. Оглянулся — а это

красноармейцы и краснофлотцы, с винтовками наперевес бросились преследовать врага.

Далеко тогда отбросили фашистов от наших позиций.

А Липовенко за боевое умение и храбрость получил звание Героя Советского Союза. [13]

Одиннадцатый дзот

Дзот — дерево-земляная огневая точка. Это землянка такая со щелями-амбразурами, через которые из пулемётов стреляют. Сверху над нею брёвна рядами наложены, а на них земли много насыпано, чтобы снарядом и бомбой не пробило.

Когда строили оборонительные укрепления перед Севастополем, дзотов соорудили много. А строить было нелегко. Земля под Севастополем каменистая, в ином месте и лопатой не возьмёшь, только ломом да киркой. Но потрудились, поставили дзоты на высотах и у дорог — всюду, где враг может пойти. [14]

Боевую вахту в дзоте несли семь моряков — семь комсомольцев: матросы Калюжный, Погорелов, Доля, Мудрик, Радченко, Четвертаков и командир их, тоже матрос, Раенко.

Трое с пулемётом приготовились вести огонь из дзота, остальные из окопов возле него.

Но враг долго не показывался перед одиннадцатым дзотом.

А меж тем по телефону с командного пункта сообщили, что соседние дзоты уже ведут бой.

…Первым вражеских солдат увидел Доля. Немцы шли цепью, во весь рост. Наверное, они были уверены, что их артиллерия уже расчистила им путь. Доля прицелился из винтовки и выстрелил. Его выстрел был сигналом для товарищей. Они все открыли огонь. Фашисты попрятались.

Начали стрелять вражеские пушки и миномёты. Две большие мины упали прямо на дзот. Но настил выдержал. Ещё одна мина разорвалась перед амбразурой. Её осколки влетели внутрь, смертельно ранили Мудрика, тяжело Калюжного.

…Снова в атаку на дзот фашисты идут. Вот они уже перед самыми амбразурами.

— Гранатами — огонь! — командует Раенко. [15]

Летят в фашистов гранаты. Строчит пулемёт, стреляют матросские винтовки. Снова отбита атака.

Ещё несколько дней после этого пытались враги взять дзот. Бомбили, обстреливали из пушек. Снова и снова шли в атаки. Но одиннадцатый остался недоступным.

Трудно было защитникам одиннадцатого дзота. Ждали подмоги, но прислать им смогли только троих моряков: Потапенко, Коржа и Короля.

Теперь в дзоте стало десять человек.

… Наступило утро. Туманное, холодное. Всю ночь была слышна стрельба слева и справа. В одиннадцатом знали — там сражаются соседние дзоты. К утру стрельба утихла. В

одиннадцатом ещё не было известно, что все защитники соседних дзотов погибли, стоя насмерть. Что теперь только один их дзот остался в долине на пути врага.

Ждали новую вражескую атаку.

Она началась на рассвете. Целый батальон — несколько сот фашистских солдат шли на дзот одновременно со всех сторон. Одиннадцатый встретил их яростным огнём. Но фашистов было много. Некоторым удалось прорваться к самому дзоту. Они стали бросать в амбразуры гранаты. Первую успел перехватить Доля и выбросил обратно — она поразила вражеских солдат. Вторую выбросить Доля не успел, она разорвалась у него в руке, только чудом он остался жив. Доле оторвало пальцы. Погорелов перевязал его и снова припал к пулемёту. [16]

Фашистов и на этот раз удалось отогнать. Тогда они снова послали на дзот самолёты. Посыпались бомбы. Взрывами сорвало перекрытие — землю и брёвна.

Амбразуры завалило землёй и камнями.

Но из груды искорёженных брёвен вставали защитники одиннадцатого и снова разили врага.

К вечеру из всех защитников дзота осталось только трое: Корж, Потапенко и командир Раенко. Был разбит пулемёт. Кончились патроны.

Оставались лишь гранаты и бутылки с горючим.

— Связывать гранаты и бутылки вместе! — предложил Потапенко. Эти придуманные им «снаряды» разили врагов осколками, жгли горючей смесью.

К вечеру двадцатого декабря из трёх последних защитников одиннадцатого остался только Раенко.

Уже тяжело раненный, не имеющий ни одной гранаты, командир одиннадцатого с последним своим оружием — штыком от винтовки вступил в рукопашную схватку с врагами и погиб.

Живым из защитников одиннадцатого остался только Доля. Искалеченная рука не давала ему стрелять, и командир незадолго до последней вражеской атаки на дзот приказал Доле пробраться в тыл и передать просьбу о подкреплении.

Не хотелось Доле покидать товарищей. Но приказ есть приказ.

После того, как перестал существовать последний из дзотов в Камышловской долине, казалось, путь по ней к Севастополю для врага открыт.

Но недаром пали насмерть стоявшие в дзотах. Пока они сдерживали врага, морем, на кораблях, в Севастополь подоспело подкрепление — Особая морская бригада.

Высадившись, она сразу же пошла в бой, выбила фашистов из

Камышловской долины.

Когда враг был отброшен, воины Особой бригады, заняв позицию в развалинах одиннадцатого дзота, нашли там пробитую осколками сумку противогаза, а в ней небольшой листок бумаги. На нём они прочли: "Родина моя! Земля русская!.. Я умираю, но знаю, что мы победим… Моряки-черноморцы! Держитесь крепче, уничтожайте фашистских бешеных собак. Клятву воина я сдержал". И было подписано: Калюжный.

Врага не пропустили в Камышловскую долину. Его беспощадно били всюду, где он рвался к Севастополю. Пришлось фашистам прервать своё второе наступление. Не удалось им, как они тогда рассчитывали, встретить новый, 1942 год, в Севастополе. И ещё больше озлобились они. [17]

Город под бомбами

Тяжёлый, зловещий гул слышится с неба. Это летят фашистские самолёты. Снова и снова на Севастополь. Сотни самолётов почти непрерывно — с разных сторон, днём и ночью. Рвутся в высоте на их пути снаряды наших зенитных пушек. Соколами бросаются на них краснозвёздные истребители. Но очень много самолётов у врага. И каждый день он шлёт бомбардировщики на осаждённый город.

Чёрный дым пожарищ почти не рассеивается над городом. С каждым днём в нём всё больше разрушенных зданий. Обломками завалены улицы и дворы. Их уже не успевают расчищать.

Жители осаждённого города не только взрослые, но и те дети, которых ещё не удалось вывезти, живут, как солдаты, под огнём. И каждый делает всё что может, чтобы помочь красноармейцам и матросам на передовых позициях. Там, в окопах, выдолбленных в сухой каменистой почве, подчас негде достать воды. И севастопольские мальчишки и девчонки, набрав в бидоны и вёдра воды, пускаются в опасный путь. Где перебежками, где крадучись, чтобы не попасть под снаряд или под пулемётную очередь, они пробираются даже на самые передовые позиции, чтобы напоить бойцов. Ребята подносят патроны, помогают снаряжать пулемётные ленты, готовить еду на полевых кухнях. [18]

Много полезной работы делают ребята в "подземном Севастополе". А где он? За окраиной города. Там, где кончается самая большая из севастопольских бухт — Северная, в крутом скалистом обрыве выдолблены глубоко уходящие в толщу тоннели-штольни. До войны там были склады. А теперь в штольни перевезли станки и машины с заводов и фабрик. Вместе с оборудованием переселились рабочие, многие с семьями, детьми, чтобы спасти их от бомбёжек. Да, многим севастопольцам и жить негде — их дома разбиты. В штольни проведено электричество, оборудованы мастерские — в них чинят повреждённое в бою оружие, делают гранаты и миномёты, шьют обмундирование. Там же и госпитали. Раненые с позиции сначала попадают [19] сюда, а уже потом, тех, кто не способен вернуться в строй, отправляют морем в тыл. Есть в штольнях и хлебозавод.

Штольни — это целый подземный город. Подземному Севастополю не страшны воздушные налёты — гору не пробить никакой бомбой.

Из ребят, живущих в штольнях, те, кто постарше, помогают взрослым в мастерских, ухаживают за ранеными. Для самых

маленьких здесь есть детский сад… А со школьниками проводят занятия учителя, ребята идут на уроки с двумя сумками — одна для книг, другая — для противогаза. Трудно в штольнях жить и работать. Без дневного света, в сырости и духоте. Но на войне, как на войне… [20]

Курс — Севастополь

Уже середина зимы. А Севастополь всё держится. Не могут одолеть его враги. Может, и одолели бы, если бы Севастополь не получал помощи. Ведь для того, чтобы воевать, много чего надо: снарядов, патронов, продовольствия; чтобы убитых и раненых бойцов заменить — пополнения нужны. А откуда взять всё это? Ведь Севастополь со всех сторон окружён, все дороги к нему по сухопутью врагом отрезаны.

Но есть ещё одна дорога — морская. По ней доставляют в Севастополь всё нужное для обороны. А обратно из Севастополя на кавказский берег, на Большую землю, вывозят раненых, вывозят севастопольских ребятишек.

Изо всех сил старается враг перерезать и морскую дорогу к Севастополю. На пути наших кораблей немецкие самолёты набросали подводных мин. Рыскают на путях наших кораблей немецкие торпедные катера, подводные лодки. Налетают на корабли фашистские самолёты с бомбами и торпедами. А корабли отбиваются, идут. Каждый поход в Севастополь — боевой.

Пробьётся какой-нибудь корабль в Севастополь — радоваться ещё рано. Бьют фашистские пушки по кораблю, сверху самолёты бомбы бросают. Поэтому приводить корабли в Севастополь и уводить их оттуда стараются моряки только в ночное время. [23]

Ходят с грузами в Севастополь и подводные лодки. Им легче пройти — под водой лодка не видна.

Однажды рано утром пришла в Севастополь наша подводная лодка, привезла снаряды, патроны и бензин для автомашин. Выгрузили всё, а погрузить в неё раненых не успели; стало уже светло, начался обстрел. Тогда командир, чтобы сохранить лодку, решил до вечера погрузить её на дно гавани. Опустилась лодка вместе со всей командой. Проветрить лодку не успели. В ней было очень душно от испарений бензина, который из неё только что выгрузили. И подводники стали один за другим сознание терять. Как будто в сон впадают. А всплыть нельзя — наверху обстрел, лодке и людям верная гибель. Значит, надо терпеть до вечера. Уже и командир лодки сознание теряет. Держится один старшина Пустовойтенко, самый крепкий в команде.

Нет уже сил — хочется лечь, закрыть глаза. Но держится Пустовойтенко. Ведь если он не выдержит — погибнут товарищи и корабль. Но выстоял старшина до вечера. А потом привёл в действие механизмы, поднял лодку, открыл люк. Вдохнули подводники свежего воздуха, в чувство пришли.

Вскоре лодка, приняв раненых, пошла в обратный путь. [24]

Наступил май. На линии фронта перед Севастополем противник находился ещё на тех рубежах, где его остановили зимой.

Враг готовил новое, третье, наступление.

Для этого было собрано триста тысяч солдат, четыреста танков, девятьсот самолётов, больше тысячи пушек.

Двадцатого мая 1942 года по всему фронту Севастополя загремели сотни фашистских пушек. Тысячи снарядов обрушились на позиции его защитников. Небо над Севастополем затмили сотни бомбардировщиков с чёрными крестами на крыльях. А 7 июня пошли в атаку тысячи солдат на третий штурм города.

В первый день противник не добился успеха. Не добился и в последующие дни, хотя, бывало, и пятнадцать, и двадцать атак предпринимал он в день. А на город сбрасывал в иные сутки по шесть тысяч бомб.

Стойко защищали черноморскую твердыню моряки и пехотинцы, лётчики и артиллеристы. Много тысяч фашистских солдат уничтожили они за время третьего вражеского наступления. Но слишком неравными были силы. Подбрасывать подкрепления в Севастополь становилось всё труднее: как никогда много самолётов стал посылать враг на перехват наших кораблей.

В те дни, весной и летом сорок второго года, фашисты, оправившись после зимнего разгрома под Москвой, снова начали наступать на широком фронте. Нужно было много усилий, чтобы сдержать их. Севастополь вносил свою долю в это: оттягивал на себя трёхсоттысячную армию врага. Большая земля в то тяжёлое время старалась помочь севастопольцам чем могла.

Всё меньше и меньше оставалось в строю тех, кто защищал Севастополь — ведь каждый день многие из них выбывали из строя ранеными и убитыми. Всё меньше оставалось патронов и снарядов. Уже не всякую вражескую атаку удавалось отбить. Противник теснил наших бойцов, всё ближе продвигаясь к городу.

Не числом — уменьем

В неравном бою один может и против многих врагов выстоять. Только одной храбрости для этого мало. Нужно ещё и уменье. Многие защитники Севастополя таким уменьем отличались. Одним из них был снайпер — Герой Советского Союза — Адамия.

Снайпер — это самый меткий стрелок. Он с первого выстрела [25] попадает. И винтовка у него не обычная, а с прицелом, вроде подзорной трубы — чтобы цель издалека хорошо видеть.

Когда немцы начали третий штурм, Адамия получил приказ: вместе с несколькими автоматчиками занять позицию в самом переднем окопе.

Вот уже и враги впереди показались. Идут, пригибаются, а то и совсем ползком. Только снайпера не проведёшь. Прицелился Адамия, выстрел — и нет фашиста. А его товарищи тем временем из автоматов врагов косят.

Видят враги — спереди окоп не взять. Пошли в обход. Но и тут у них ничего не вышло. Заметили их. Тридцать пять фашистов только один Адамия положил. Да автоматчики без малого сотню.

Тогда выкатывают фашисты пушку и давай беглым огнём палить по окопу, где Адамия с товарищами.

Надо пушку обезвредить.

Выбрался Адамия из окопа и быстро, ползком, к пушке. Да так ловко, что немцы его и не заметили. Приложился Адамия — раз! раз! Перестрелял вражеских артиллеристов. Замолчала пушка. Сорвалась и на этот раз вражеская атака.

"Спасибо, Адамия!" — благодарят его товарищи.

Было за что! Снайпер Адамия за время всех боёв истребил около трёхсот врагов.

В боях за Севастополь отличились и многие другие наши снайперы. Были среди них и девушки. Всем севастопольцам была известна Людмила Павличенко, от пуль которой нашли конец сотни врагов. А всего снайперы Севастополя уничтожили около десяти тысяч фашистов. [26]

Тридцатая батарея

Возле Севастополя ещё до войны было построено несколько береговых батарей. Такая батарея — целая крепость. Сверху — четыре башни из толстой брони, в каждой — огромная пушка. Снаряд такой пушки руками не поднять — он весит четыреста килограммов. К пушкам, снизу, из бетонных погребов, снаряды подают транспортёрами — это ленты железные с лотками, в которые снаряды вложены. Внизу, в бетонных подземельях, не только снаряды хранятся. Там и казарма, и кухня, по-флотски — камбуз, и хлебопекарня, и лазарет. Там же и радиостанция, и телефоны, чтобы с командованием и с другими батареями связь держать, и электростанция. Она не только для освещения нужна: даёт ток моторам, которые орудийные башни поворачивают, снарядные транспортёры движут, вентиляторы вращают.

Батареи строили на тот случай, чтобы стрелять по вражеским кораблям. Но когда противник подошёл к Севастополю не с моря, а с суши, пушки повернули на него. И много ущерба врагу нанесли.

Одна из батарей, тридцатая, фашистам особенно досадила. То колонну танков разобьёт, то эшелон с войсками на железной дороге разгромит. Далеко врага снарядами достаёт, за много километров.

Очень хотелось врагам покончить с батареей. Каждый день сотни снарядов падали на неё. То и дело налетали на батарею самолёты, сбрасывали тяжёлые бомбы. Стальные башни вздрагивали от ударов. Через амбразуры в них то и дело залетали раскалённые осколки, вспыхивало пламя, валил удушливый дым. Не раз случалось — ударит снаряд в башню, заклинит, повернуть её нельзя. Тогда артиллеристы с ломиками выскакивают наружу, чтобы повреждение исправить. И случалось — сразит кого-нибудь из них осколок.

Враг, хоть и били его крепко, продолжал наступать. Уже совсем близко к батарее подошли гитлеровцы. По ним стали стрелять бойцы из окопов и дзотов, стоявших на пути к батарее.

Но враг обрушил на эти окопы и дзоты ливень снарядов и мин. Там стало невозможно держаться. И тогда бойцы оттуда вынуждены были уйти под бетон, в подземелья батареи, — там их собралось около четырёхсот. [27]

Батарея-крепость продолжала сражаться.

Из четырёх — две пушки были разбиты. Две уцелевших продолжали стрелять. Кончились боевые снаряды. Тогда стали бить холостыми, ведь и такой выстрел большой пушки опасен

врагу, если тот близко — опалит, оглушит.

Но кончились и холостые заряды.

Пушки смолкли.

Фашисты подобрались уже вплотную к башням. Рассвирепевшие враги решили разделаться с ненавистной батареей любыми средствами. Они нашли наверху, в бетоне, вентиляционные отверстия и направили в них огнемёты. Струи пламени проникали внутрь, в подземелья. Там начались пожары. Люди стали задыхаться в дыму. Воспользовавшись этим, немцы ворвались в [28] подземелье. Начались ожесточённые схватки — при тусклом свете фонарей или факелов, а то и в кромешной тьме.

Вдруг раздалось два сильных взрыва. Это по приказу комиссара батареи Соловьёва были взорваны две последние пушки. В одном из помещений подземелья находилось около двадцати раненых. Они уже не могли держать оружие. Когда они услышали шаги и голоса немецких солдат, проникших в подземелье, раненые наглухо закрыли стальную дверь.

— Сдавайтесь! — по-русски крикнули из-за двери.

— Не сдадимся! — услышали враги в ответ. Тогда немецкие сапёры подложили под дверь взрывчатку и взорвали. Однако тяжёлая броневая дверь устояла. Вскоре раздался скрежет металла. В двери фашисты сверлили отверстие. Зачем? Они пустили в него ядовитый газ. Раненые стали задыхаться. И вдруг кто-то из них запел «Интернационал». Так, со словами гимна коммунистов, погибли они все, но не сдались врагу.

Константиновский равелин

У входа в Севастополь, с моря, стоит старинное каменное укрепление — Константиновский равелин. Издалека видна его округлая стена с тёмными квадратами амбразур. Когда-то из этих амбразур глядели пушки — равелин сторожил вход в Севастополь. Уже давно равелин потерял военное значение. Но, когда во время третьего штурма фашисты подошли к равелину, в нём уже заняли оборону моряки.

Трудно было держаться защитникам равелина. Ведь врагов было много. Черноморцы были готовы стоять насмерть, до последнего дыхания. Трое суток отбивались они от врагов в равелине.

И вот поступил приказ командования: оставить равелин, перебраться через бухту к своим, а равелин взорвать.

Переправиться к своим через бухту было не на чем. Шлюпки и катера — всё разбило вражеским огнём. Тогда моряки пустились вплавь. В равелине осталось лишь двое: комиссар Кулинич и минёр Зинской. В подвале уже была заложена взрывчатка, протянуты зажигательные шнуры. Под стенами равелина послышались голоса фашистов. Они радовались — вот-вот захватят равелин. [29]

— Поджечь шнур! — приказал комиссар Зинскому. Зашипело бегущее по шнуру пламя.

— Плывите и скажите нашим, что задание выполнено! — сказал комиссар Зинскому.

— А вы?

— Я ранен. Мне всё равно не доплыть.

— Тогда и я остаюсь с вами!

— Нет! Я остаюсь один. У меня автомат. Задержу фашистов, пока вы уплывёте. Пока шнур догорит!

— Товарищ комиссар! Да как же я вас оставлю?!

— Приказываю плыть! Немедленно!

— Есть!.. [30]

Нельзя не исполнить приказ комиссара.

Скрытно от врагов, через пролом в стене, Зинской выбрался наружу, бросился в воду и поплыл. По нему стали стрелять фашистские автоматчики, уже выбежавшие на берег. Но Зинской был ловким пловцом. Он нырял, отплывал в сторону. Так в него и не попали.

Плывя уже по середине бухты, Зинской услышал громкий взрыв. Он обернулся. Над равелином, во взметнувшемся к небу дыму, взлетали глыбы камня. Этим взрывом были сметены

фашисты, к тому времени уже ворвавшиеся во двор равелина.

— Что, взяли равелин? — усмехнулся Зинской. И тут же болью сжалось сердце: погиб комиссар…

Мыс Херсонес

Этот мыс находится недалеко от Севастополя. Высокий обрывистый берег. Ровное каменистое поле, на котором ни деревца, ни домика, и даже почти не растёт трава. Здесь в дни севастопольской обороны находился один из наших аэродромов. Сюда, отбиваясь от наседавшего врага, третьего июля сорок второго года отходили защитники Севастополя. Они получили от Верховного командования приказ: оставить город. Такой приказ был дан потому, что дальше держать оборону было уже невозможно: враг, [31] пользуясь своим численным перевесом, прорвал её в нескольких местах. Защитники Севастополя выполнили свой долг. На двести пятьдесят дней они задержали под стенами города огромную армию врага, уничтожили тысячи захватчиков.

Бойцы Севастопольского фронта отходили к мысу Херсонес, туда за ними должны были прийти наши корабли. Но корабли могли прийти лишь ночью, когда не будут опасны немецкие самолёты. А до ночи надо было держаться.

И севастопольцы держались. Шли в ход последние патроны, последние гранаты. А когда их уже не оставалось, солдаты и матросы бросались врукопашную, предпочитая погибнуть в неравном бою, чем попасть в плен.

С мыса Херсонес — с последнего севастопольского аэродрома, на котором уже рвались вражеские снаряды, взлетели последние самолёты, увозя раненых. Ночью пришли корабли, взяли на борт многих. Но взять всех не смогли…

Ещё несколько дней на мысу Херсонес звучали выстрелы, по ночам тревожно полыхали немецкие ракеты. Прижатые к береговому обрыву, почти без боеприпасов, без пищи и без воды герои Севастополя продолжали сражаться до последнего.

Лишь немногим удалось пробиться и уйти в Крымские горы, к партизанам.

Некоторые, на чём могли, уплывали в море, надеясь, что их подберут корабли. Многие пали смертью храбрых. [32]

* * *

…Прошёл год и десять месяцев. За это время наша армия набрала силы, стала гнать врага на многих фронтах. Наши войска подошли к Севастополю.

5 мая 1944 года войска Красной Армии начали штурм

Севастополя, в котором засел враг. Штурмовать было нелегко…

Есть под Севастополем, на пути к нему с юго-востока, высокая Сапун-гора. Далеко окрест видно с неё. Враг считал, что нашим войскам Сапун-гору нипочём не взять: высока, на ней прочные бетонные укрепления, много пушек, миномётов, пулемётов.

Но Сапун-гору надо было взять. Ведь это гора-крепость преграждала путь к Севастополю.

И штурм Сапун-горы начался.

Сначала на неё полетели тысячи снарядов нашей артиллерии. Загремели на Сапун-горе разрывы авиабомб, сброшенных нашими самолётами. Всю гору окутало дымом. И вот на её склонах показались наши бойцы, стремительно поднимающиеся к вершине. Враг встретил их сильнейшим огнём. Многих бойцов этот огонь скашивал. Но остальные упорно пробивались по склону сквозь разрывы снарядов и мин, через ливень пуль всё выше. То тут, то там алели флаги. Их несли с собой атакующие. Случалось, флаг, покачнувшись, падал, когда падал сражённый знаменосец. Но тотчас кто-то из товарищей подхватывал флаг и шёл с ним дальше.

Атакующие достигли вершины Сапун-горы. Дорога на Севастополь была открыта!

9 мая 1944 года, ровно за год до окончания войны, Севастополь был очищен от захватчиков. По улицам шли освободители в опалённых огнём боёв гимнастёрках и тельняшках. Фашистам, чтобы взять город, потребовалось двести пятьдесят дней. Нашим войскам, чтобы разгромить врага в Севастополе, потребовалось всего-навсего пять дней.

Разбитые наголову захватчики спешили отойти. У них оставался единственный путь отхода — в направлении мыса Херсонес. Они устремились туда. Но спасения там не нашли. На мысу, где фашисты в своё время прижали к морю последних защитников Севастополя, на этом самом месте, фашистов настигли снаряды нашей артиллерии, бомбы нашей авиации. Возмездие свершилось. [34]

Где были только развалины

После войны в Севастополе почти не осталось не разрушенных домов.

По всему городу лежали груды камней и кирпича.

Но прошли годы. Ещё более красивым, чем до войны, стал построенный заново на развалинах Севастополь. Он раздался вширь — на многие километры по берегу моря белеют его кварталы. В его бухтах можно увидеть грозные боевые корабли нашего Черноморского флота — крейсеры-ракетоносцы, ракетные катера, подводные лодки и многие другие боевые корабли. Отсюда, от берега любимого города, моряки-черноморцы уходят в походы далеко-далеко, в просторы Мирового Океана.

А на тех местах, где когда-то насмерть стояли защитники черноморской твердыни, высятся памятники. Памятники и там, где освободители Севастополя крушили врага — на Сапун-горе и в других местах.

Пожалуй, самый приметный из этих памятников — на мысе Херсонес. Издалека с моря виден светлый обелиск — высокий, как маяк, четырёхгранный, словно штык винтовки. Если подойти близко, то увидишь на одной из его граней большой, литой из металла, орден Победы, а ниже надпись: "Вечная слава героям, освободителям Крыма от фашистских захватчиков".

Орден Победы на обелиске. Медаль "За оборону Севастополя" на груди тех, кто отстаивал его. Орден Красного Знамени, Золотая Звезда Героя и орден Ленина на знамени города…

СЛАВА СЕВАСТОПОЛЮ!